

Содержание

Пролог.....	6
Часть I. Вероисповедания.....	13
1. Язычники и христиане.....	14
2. Евреи.....	32
3. Мусульмане.....	49
4. Еретики.....	64
Часть II. Империи и народы.....	78
5. Империи.....	79
6. Народы.....	105
7. Кочевники.....	122
8. Нации.....	140
Часть III. XX век.....	160
9. Современники.....	161
10. Пророки.....	179
11. Война.....	197
12. Сталинизм.....	215
13. Социализм.....	235
14. Оттепель.....	253
Эпилог.....	274
Благодарности.....	284

Империи

Восточная Европа — это пограничная территория. Восточноевропейцами обычно правили издалека. Жить здесь означало жить в тени ярма, кнута и петли палача, ледея затаенную злобу. Короче говоря, регион определялся тем, что всегда был лишь частью — но никогда не центром — империй.

Империя как концепция, как правило, чужда Восточной Европе. Империи пришли в нее извне. В Средние века Восточная Европа была регионом нескольких королевств. Эти царства-государства были местными по происхождению, небольшими по размеру и иногда амбициозными, но никогда не всемогущими. Они воевали друг с другом и строили великолепные столицы. Они не пытались объединить всех христиан или завоевать мир.

На севере расцвет этих королевств пришелся на середину XIV — начало XVI века. Примерно с 1350 года, во времена правления Люксембургской династии, Богемия стала центром готического искусства и архитектуры. Амбициозная кампания по восстановлению под руководством Карла IV сделала Прагу одним из красивейших городов Европы. В 1386 году объединенное двойное королевство Польша-Литва стало одной из крупнейших стран на континенте. После победы над Тевтонским орденом в 1410 году в битве при Грюнвальде Польша-Литва также стала одним из самых могущественных королевств континента.

Венгрия была одной из немногих стран, которые могли сравниться с ней. Тогда Венгрия была намного больше, чем сегодня, и могла похвастаться одной из самых могущественных армий в Европе, чьи солдаты закалились в длительных боях с турками. Матиас Корвинус, правивший Венгрией в конце XV века, был просвещенным деспотом в полном соответствии с образцами Ренессанса. Он обладал великолепной библиотекой иллюстрированных манускриптов, ныне, к сожалению, утраченных, в то время как его солдаты вызывали ярость в Стамбуле и смертельный страх в семье австрийских герцогов средней руки — Габсбургов.

Южнее, на Балканском полуострове, местные королевства достигли расцвета несколько раньше, примерно между 1100 и 1375 годами. Это была эпоха Второй Болгарской империи и недолговечной Сербской империи Душана Сильного. (Королевство Босния также возникло в самом конце этого периода, но примерно семьдесят пять лет спустя ее захватили османы.) Хотя они называли себя империями, и болгарское, и сербское государства на самом деле были не более чем региональными державами, которые организовались в подражание Византийской империи на юге.

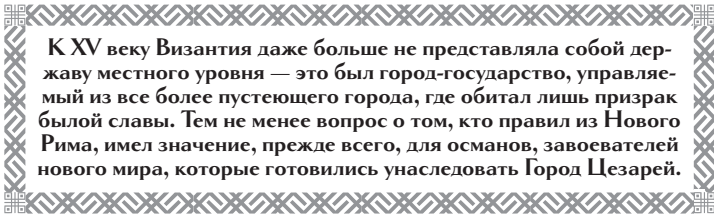
На протяжении всего этого периода Византийская империя оставалась самым престижным государством во всем Восточном христианском мире. Правители «Второго Рима» по-прежнему задавали пример того, какими должны быть правители и как они должны себя вести. Если у византийцев был Цезарь, то их сербские и болгарские соседи тоже хотели такого. Для них подражание действительно служило самой искренней формой лести. Византийцы ответили презрением. Один изгнанный церковник назвал болгар «варварами» и «деревенщинами», в то время как посланник при дворе сербского короля был потрясен, увидев жену короля за работой за прялкой. Он написал домой, что «великий царь, как его называют, живет простой жизнью, которая в Константинополе считалась бы позорной даже для чиновника средней руки».

Уменьшившаяся в фактической мощи и территории Византийская империя в последние годы своего существования сохраняла культурное превосходство за счет чистого снобизма — не без оснований, потому что обладала родословной, на которую не мог претендовать ни один из ее соперников. Императоры Византии были наследниками непрерывной традиции, восходящей ко временам Августа в I веке до нашей эры, но на самом деле даже дальше: поскольку Константинополь был Новым Римом, его корни простирались вплоть до основания первоначального Рима Ромулом и Ремом за семьсот лет до нашей эры. Таким образом, славяне-завоеватели столкнулись с более чем двухтысячелетней историей. Лучшее, на что могли надеяться болгары, — это назваться сыновьями императора, и при том считать себя счастливыми, поскольку сербы не удостоились такой чести. Религия дала Византии еще

один источник престижа. Как хранители ортодоксального христианства, византийцы верили, что их империя была «основана Богом, чтобы существовать вечно».

Таким образом, она обладала одним из ключевых атрибутов империи: честолюбием. Ибо империя — это прежде всего идея, претензия на всемирную власть. Император — не просто лорд среди лордов, он король среди королей. Однако Византии недоставало другого ключевого атрибута успешной империи, а именно способности расширяться. Империя велика. Она правит разными народами, разделенными огромными расстояниями. Уменьшившаяся за столетия военных поражений Византия позднего Средневековья лишь отдаленно напоминала себя прежнюю. Особенно после разграбления Константинополя во время Четвертого крестового похода в 1204 году она так никогда и не смогла стать ничем большим, чем региональной державой в Западной Анатолии и некоторых частях Греции.

Оттоманы

В 1453 году после 53 дней осады Византия пала под натиском армий Мехмеда II. Опыленный своей победой, Мехмед принял новый титул. Отныне по документам он проходит как «Властелин двух земель и двух морей», что указывает на его господство как над Анатолией, так и над Балканами, Средиземным и Черным морями. В последующие годы список его титулов будет только расти. В 1517 году османские армии завоевали Египет, а в 1534 году — Багдад. В дополнение к последней резиденции римских императоров османские императоры теперь завладели древним сердцем мусульманского мира. В 1538 году, когда Сулейман Великолепный, величайший и дольше всех правивший (1520–1566) османский султан, завоевал крепость Бендеры на территории нынешней Молдовы, он прикрепил над центральными воротами следующую надпись: «В Багдаде я шах, в византийских владениях — кесарь, а в Египте — султан».

Как османам удалось такие подвиги? Помогла религия. Их империя возникла в начале XIV века как крошечное княжество на мусульманско-христианской границе в Анатолии. Там, на краю византийской территории, вождь племени по имени Осман собрал вокруг себя группу святых воинов. Вместе они грабили замки и обозы во славу ислама. Эти джихадисты, совершавшие набеги на границы, нашли способ представить насилие одновременно благочестивым и прибыльным — выигрыш-

ная комбинация в большинстве времен и мест. Они продвигались с пугающей скоростью. В 1354 году османские войска совершили свой первый судьбоносный набег на Балканы. К 1371 году они захватили большую часть Македонии и Фракии. В 1389 году сокрушили мощь Сербской империи в битве при Косово. Через несколько лет после этого османы завершили завоевание Болгарии. В последующие десятилетия под их натиском пали Греция, Босния и Албания, как и большая часть территории нынешней Румынии, несмотря на героическое сопротивление со стороны албанцев.

Успех османов на Балканах в значительной степени определялся вопросом численности: они просто смогли выставить армии, превосходящие по численности любое из королевств, стоявших у них на пути. Во время битвы за Косово, когда сербы столкнулись с османскими армиями, один из их поэтов написал, что османских солдат было так много, что, даже если бы всех сербов превратить в крупинки соли, их все равно не хватило бы, чтобы приправить «жалкие турецкие обеды».

Численное превосходство османов частично было обусловлено географией. Анатолия предоставляла им огромный запас рабочей силы в виде кочевых турецких племен, члены которых всегда были готовы попытать счастья в Европе в качестве солдат или переселенцев. Но свою роль сыграла и продуманная стратегия. Османы проявляли удивительную гибкость в вербовке союзников. В ходе своего молниеносного продвижения по Юго-Восточной Европе они привлекали последователей, как снежный ком, катящийся под гору, собирает на себя свежий снег. Вожди тюркских племен кочевников, византийские повстанцы, сербские деспоты, болгарские владыки и греческие моряки — все они присягнули на верность новым хозяевам. По мере того как передний край империи продвигался все глубже в сердце Европы, к османам присоединялись захваченные в плен или дезертировавшие жители Запада — итальянцы, венгры, немцы и даже случайные поляки. Согласившись принять ислам, они могли найти выгодную работу в армии султана и бюрократических институтах. Вскоре к ним присоединился другой, менее добровольный вид рекрутов — *devsirme*, «плоды» или «детский сбор».

Термином *devsirme* назывался «налог на кровь»: христианские народы империи отдавали определенный процент своих сыновей, чтобы они воспитывались в стиле завоевателей. Впервые он был введен для противодействия влиянию местной турецкой знати. Столь же эффективная, сколь и презируемая, эта система создала корпус солдат и администраторов, полностью лояльных своему султану. Формально все эти янычары были его рабами, но на самом деле они больше походили на большую семью, объединенную искусственным родством. Мальчиков забирали в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Им было обещано, что они возмужают «безупречно телом и лицом». Деревенские

парни, привыкшие к тяжелой работе, считались лучшими новобранцами. Среди этнических групп особенно ценились боснийцы, хотя сербы и албанцы также преуспевали на имперской службе. Как только молодые новобранцы въезжали в столицу, они оказывались полностью отрезанными от своих семей и места рождения. Обращенные и обрезанные, они подвергались строгому режиму обучения, постигая религиозную науку и военное искусство. Обычно обучение начиналось со службы на анатолийской ферме, где молодые люди изучали турецкий язык и развивали физические способности. Вернувшись во дворец, они продолжали образование на курсах религиозного права, стрельбы из лука, верховой езды, борьбы, ораторского мастерства и каллиграфии.

Воспитание янычар, этой изысканно обученной касты солдат-администраторов, преобразило османское государство. Если ранние османские армии побеждали численным превосходством, то армия, взявшая Константинополь для Мехмеда II, была оснащена всем наилучшим: самыми большими пушками, самыми мощными осадными машинами и самыми эффективными саперами. Прежде всего, это была *профессиональная* армия. Венецианские послы отзывались о ее «паразитическом порядке». Османские солдаты демонстрировали мастерство во всех военных искусствах: они владели луком, мечом и копьем, но главное — они действительно преуспели в мелких деталях, которые обеспечивали успех любой военной кампании. У них были лучшие палатки и лучшие лагеря. Они знали, как эффективнее всего вырыть траншею или отхожее место. Самое главное, они знали, как действовать слаженно. Французский путешественник XV века, засвидетельствовавший действия османской армии, был больше всего впечатлен тем, как они передвигались. Во время своих ночных маршей они преодолевали втрое большие расстояния, чем христианская армия могла пройти днем. При этом действительно потрясало, насколько тихо они это делали: десять тысяч солдат производили меньше шума, чем сотня христиан.

Дисциплинированную османскую армию очень сытно кормили. В то время как русским солдатам, например, полагалось питаться той пищей, которую они приносили с собой, — обычно жидкой гречневой кашей, — османские солдаты регулярно получали блюда из риса, булгура, ячменя, топленого масла, кофе, меда, муки и мяса. Снабжение армии во время марш-броска само по себе было грандиозным предприятием, поскольку солдаты поглощали по полмиллиона килограммов пищи в день.

Можно смело утверждать, что османы были непревзойденными мастерами логистики цепочки поставок. Ни одно другое государство в Европе не уделяло столько энергии и заботы ремонту своих дорог. С самого начала османы по праву прославились как строители прекрасных каменных мостов, чьи изящные арки казались хрупкими, как яичная скорлупа, но на деле были прочными, как железо. По разветвленному дорожному полотну непрерывно поступали запасы продовольствия, ткани, пороха и стали. Верблюды, способные нести вдвое больше, чем любое европейское вьючное животное, облегчали их транспортировку. Каждый год тридцать тысяч этих незаменимых животных прибывали из Магриба

и Сирии как раз к началу военной кампании. Но настоящим сердцем османской системы закупок были пекарни. Только в Стамбуле 105 гигантских печей работали круглосуточно, выпекая сухарики для армейских и военно-морских складов. Еще больше печей работало в провинциях.

В XVII и, особенно, XVIII веках османская армия постепенно потеряла свое технологическое преимущество перед европейскими аналогами. Но пока пекарни функционировали, у нее все еще был шанс победить своих противников из России и из владений Габсбургов. В 1711 году, когда османы разгромили армию Петра Великого в Молдове, изголодавшимся русским пришлось покупать продовольствие у армии победителей. Шестьдесят лет спустя, к тому моменту, когда османская армия отправилась воевать с Екатериной Великой, ее преимущество иссякло. Во многом из-за коррупции система закупок рухнула, и османские солдаты были вынуждены есть хлеб, приготовленный из крошек от печенья сорокалетней выдержки, которую смешивали с грязью и известью. Многие, кто съел этот хлеб, умерли на месте. Остальные были убиты.

Как выглядела Османская империя в глазах своих подданных-христиан? Для них империя была гигантским бременем, двадцать миллионов ртов, которые нужно было кормить, и вдобавок ко всему сотни тысяч солдат и бюрократов, которых тоже нужно было содержать. Налоги в Османской империи были относительно низкими по сравнению с остальной Европой, особенно до инфляционного кризиса конца XVI века: из глубин сельской местности империя казалась немногим большим, чем враждебным сборищем налоговых инспекторов, переписчиков и таможенных чиновников, каждый из которых стремился получить свою долю от честного крестьянского труда.

Суть происходящего хорошо передана в старинной македонской народной сказке. Старик услышал, что в Стамбуле люди покупают яйца по серебряному пенни за штуку. Старик скорее всего нагрузил своего осла тысячей яиц и отправился в столицу. По пути на юг он встретил нескольких налоговых чиновников, каждый из которых взял себе в качестве мзды по корзинке яиц. К тому времени, когда старик прибыл в Стамбул, яиц у него не осталось. Поскольку продавать больше было нечего, он решил последовать примеру своих угнетателей и назначил себя хранителем стамбульского кладбища. Вооруженный поддельным документом о разрешении, он начал взимать плату с аристократов и женщин Стамбула за привилегию быть похороненными на его территории. Таким образом, в этой истории жизнь в Османской империи представляется идеально начерченным кругом коррупции, который прерывается ее подданными от рождения и до самой могилы.

Стамбул был не просто голодной утробой, жаждущей взяток, — во времена османов он также был центром возможностей, привлекавшим молодежь со всех концов Балкан и Ближнего Востока. Некоторые приезжали, чтобы накормить город. К 1600 году только для того, чтобы обеспечить продовольствием семисоттысячное население Стамбула, требовались титанические усилия. Каждый день бар-

жи, курсирующие по Черному морю, привозили пшеницу из Болгарии и Румынии, в то время как молдавские пастухи перегоняли огромные стада коров с верховьев Днестра. На самом деле, мы в большом цивилизационном долгу перед этими погонщиками скота, поскольку именно они изобрели *pastrami* — блюдо, чье название на идише происходит от румынского *pastramă*, а то, в свою очередь, от турецкого слова *bastırma* — «прессованное мясо».

Другие мигрировали в Стамбул в поисках работы на его многочисленных фабриках, среди которых встречались всякие — от солеварен до пушечных литейных цехов. Многие рабочие места занимали албанцы. Гористая и бесплодная Албания в османский период постоянно экспортировала людей. Албанцы устраивались на самые тяжелые городские работы, например на выжигание извести или в крупные пекарни, которые снабжали армию. Они также нашли для себя нишу в гораздо более благополучном секторе — банях.

В Стамбуле бани, или *хаммамы*, сами по себе считались отраслью промышленности. Только в Старом городе их насчитывалось около двухсот. Полного омовения тела требовал исламский закон, но купание также доставляло и истинное удовольствие. В хаммаме можно было искупаться, понежиться, попариться, выпить кофе, сделать массаж или побриться. Банщики отвечали за поддержание огня в каминах, наличие теплой воды и за то, чтобы посетители хорошо помылись.

В хаммаме можно было поболтать и побаловать себя, а также обставить парочку заговоров. Как и в кофейнях Лондона, в них часто велись судьбоносные политические разговоры. Османские власти знали об этом и снабжали бани шпионами. Временами слежка ослабевала, и крамольные разговоры выплескивались на улицу. В 1730 году в ходе восстания Патрона Халила, начатого албанским янычаром, удалось даже свергнуть султана. К тому времени титул «янычар» в основном потерял блеск; гораздо больше янычар работало лавочниками, чем солдатами. Вместе эти молодые провинциалы без корней образовывали городскую толпу, очень похожую на парижских санкюлотов, которые помогли разжечь Французскую революцию. Более активные, чем французские монархи, османы пытались остановить волну городской миграции, вводя специальные паспорта и регистрации. В основном такие усилия провалились. Хватаясь за соломинку, правительство прибегло к последнему средству в своем арсенале: изгнанию за границу.

В своих миль к северу от Стамбула Османская империя защитила себя от российского соседа, построив ряд фортов на северном берегу Черного моря. В этих крепостях служили албанцы, боснийцы и курды, набранные из трущоб Стамбула. Таким образом, империя действовала подобно огромному человеческому насосу, втягивая людей из провинций, а затем выплевывая их обратно на границу. Солдаты,

оказавшиеся в ссылке на севере, утешали себя курением опиума, употреблением украинской водки и написанием стихов, полных тоски по дому. Большинство османов считали свое положение ужасным. Фраза «я уничтожу вас в причерноморских степях» стала ругательством, причем настолько распространенным, что оно превратилось в поговорку. Позже, по иронии судьбы, советские граждане будут считать эти территории одними из самых теплых и плодородных во всем СССР.

Путешествие из Стамбула в «адски холодные» черноморские крепости занимало целых четыре месяца. Перевозка людей и материальных средств на такое огромное расстояние требовала мастерства в оформлении документов и логистике. Прежде чем армия могла выступить в поход и ее солдат можно было накормить, требовалось собрать воедино все необходимые налоги и людей. Для этого нужно было детальное знание всех деревень и домохозяйств империи, а также свободно кочующих племен.

В 1672 году, после того как армии Мехмеда IV отвоевали Подолье (часть современной Украины) у Польши и Литвы, группа призванных налоговых чиновников немедленно приступила к обследованию пахотных земель всех провинций и подсчету всех трудоспособных мужчин. В налоговом реестре, который они составили, перечислены девятьсот различных географических пунктов. Ни одна карта этой территории, составленная до начала XX века, не была более подробной. Османский чиновник Халил Эфенди руководил работами в сопровождении переводчика Давида, скорее всего еврея или армянина. Армянские старейшины помогали составлять списки армян. Раввины готовили списки евреев. В деревнях украинские старосты составляли списки своих соседей. В каждой деревне был по крайней мере один грамотный человек. Затем эти списки были переведены с кириллицы на арабский шрифт специализированными переводчиками, вероятно болгарскими, после чего документы отправили в архив в Стамбул, где они и хранятся по сей день. Вот что значит иметь имперское видение!

Когда турки отняли Подолье у Польши, их чествовали как освободителей. Еврейская община Каменца-Подольского, главного города провинции, приветствовала их и сообщила, что они знают, насколько благополучна жизнь «в тени людей ислама». Армяне города тоже были довольны, как и украинские крестьяне в сельской местности — они радовались избавлению от гнета польских помещиков. Завоевание пришлось не по душе только польским дворянам, многие из которых были вынуждены покинуть свои земли и бежать обратно в Речь Посполитую. При этом некоторые из них снискали расположение османов, предоставив своим новым повелителям доступ к ценным налоговым реестрам и спискам переписи населения.

Этот момент межкультурной гармонии длился недолго: Польша вернула свои утраченные территории в 1699 году. Опасаясь репрессий за сотрудничество с турками, богатые евреи и армяне бежали на юг. Армяне основали торговую колонию в Пловдиве (Болгария).

Поселившись за пределами Стамбула, подольские евреи стали известными производителями кошерного масла и сыра. По сравнению с хаосом, который тогда охватил Польшу и Литву, Османская империя казалась оазисом спокойствия. Но и эта благословенная ситуация оказалась недолговечной. В следующем столетии власть империи на Балканах начала ослабевать, уступив сначала в XVIII веке влиянию мусульманских военачальников, а затем в XIX веке — христианским националистам. Как только к власти придет эта последняя группа, мирный «оттенок ислама», в котором нашли убежище евреи Каменца, станет не более чем воспоминанием.

Русские

Польша и Литва сами по себе были «почти империей» — большим государством, включавшим в период своего расцвета большую часть современной Польши, Литвы, Латвии, Беларуси и западную половину Украины. Оно могло похвастать завидным разнообразием. В Великом княжестве Литовском большинство населения составляли украинцы и белорусы, управляемые польскоязычными дворянами преимущественно литовского происхождения; дополняли картину многочисленные поселения евреев, татар, армян и немцев.

Однако Польша и Литва не стали империей, поскольку им не удалось централизоваться. После 1572 года, когда скончался последний король из рода Ягеллонов (вероятно, от сифилиса), двойное государство стало выборной монархией. Дворяне выбирали своего монарха, что давало им огромную власть над правительством, контроль, который они также осуществляли через хаотичный парламент с правом вето — сейм. Из-за этого капризного устройства польские короли испытывали большие трудности со взиманием налогов или сбором армии. Они построили мало мостов и дорог. Их царство производило на посетителей, соответственно, неоднозначное впечатление. Ахмед Ресми Эфенди, османский государственный деятель, путешествовавший по Польше и Литве в середине XVIII века, писал, что это «республика, в которой каждый регион и каждый город имели свою администрацию, они не обращали внимания друг на друга и не подчинялись королям».

Для поляков в Европе существовало только две империи: «Мусульманская империя» османов и «Христианская империя» Габсбургов. Однако их злейшим врагом было совсем другое государство: Великое княжество Московское, или Московия. Это было государство, окружавшее город Москву в Средние века и постепенно превратившееся в Московскую Русь, Россию, Российскую империю.

Поначалу Московия не была империей — ее правители не были императорами, просто князьями, пока Иван Грозный не короновал себя царем в 1547 году. Институты этого самостоятельного государства были сформированы восточно-православной верой и длительным контактом с Золотой Ордой, которая правила русскими степями после монгольских завоеваний XIII века. Частью этого наследия стала традиция унитарного правления. Московским князьям не приходилось сталкиваться с различными посредническими институтами, с которыми вынуждены были иметь дело большинство западных правителей, такими как парламенты и независимое духовенство. Об этом они не волновались — они просто приказывали. И по мере того как они приказывали, их княжество росло.

В 1480 году Московия разгромила последние остатки Золотой Орды. В 1552 году она аннексировала Казанское ханство, тюрко-мусульманское государство на востоке. Четыре года спустя присоединила Астраханское ханство на берегу Каспийского моря, выведя Московию на самый край Азии. Таким образом, если смотреть с Запада, Россия представляла собой огромную территорию, почти пересекающую континент. Ее главными соперниками стали Польша-Литва и Швеция, два государства, отрезавшие ей доступ к Балтийскому морю. Но, несмотря на огромные размеры России, на протяжении XVI и XVII веков обе нации в основном противостояли своему восточному соседу. Серия конфликтов между Россией и Польшей-Литвой закончилась, по большому счету, вничью.

Члены моей семьи тоже принимали участие в этих редко вспоминаемых войнах. Первым из моих родственников, упомянутым в исторических документах, был Якуб Терешеш. Этот человек, вероятно венгерского (или трансильванского) происхождения, служил конюшим у гетмана, военачальника Литвы. В 1658 году русские войска захватили и Терешеша, и гетмана под Вильнюсом, после чего бросили их в тюрьму в Кремле. В какой-то из последующих четырех лет моего предка освободили и отправили обратно в Варшаву, чтобы организовать обмен заложниками, обмен русских пленных на свободу гетмана.

Этот небольшой эпизод ознаменовал начало карьеры семьи Терешеш в правительстве. В течение следующих 130 лет ее члены занимали различные должности, чаще всего королевских судебных исполнителей или администраторов графств в Западной Литве. Сытые времена подошли к концу в 1795 году, когда Российская империя завершила третий из своих разделов Речи Посполитой (объединения Польши и Литвы), тем самым стерев ее с карты Европы. Поляки оказали некоторое сопротивление, но у них было мало надежды бросить вызов России, которая к этому времени превратилась в громадину, по сравнению с которой все остальные государства Восточной Европы выглядели просто мелюзгой.

Московия стала огромной, поглотив обширные и малонаселенные территории, лежавшие к востоку от нее. Завоевания Казани и Астрахани открыли России путь в Сибирь, куда невероятно быстро начали продвигаться охотники за пушниной и солдаты. В 1580 году они пересекли Урал. К 1639 году они были уже на берегу Охотского моря, на расстоянии более пяти тысяч километров. Это означает, что русские солдаты достигли Тихого океана за 150 лет до того, как вошли в Минск.

С европейской точки зрения, Российская империя росла от тыла к фронту. Она расширялась на восток гораздо быстрее, чем на запад, где столкнулась с грозными организованными противниками, вооруженными по последнему слову европейской военной техники. Тем не менее между серединой XVII и концом XVIII века Россия побеждала их одного за другим. Первой пала Украина.

Все, что связано с Украиной, — сложно, включая ее местоположение. На протяжении большей части своей ранней истории это была пограничная зона, затаятая между Россией на востоке, Крымским ханством, последним остатком Золотой Орды и вассалом Османской империи на юге и Польшей-Литвой на западе. До середины XVII века большая часть Западной Украины формально принадлежала Польше-Литве, но на самом деле это была скорее ничейная земля, где единственным законом было оружие. Эффективного правительства практически не существовало. Люди, поселившиеся в Центральной Украине, подвергались ужасающим набегам татар-работорговцев. Иных беззаконие, наоборот, привлекало: для многих оно означало свободу — от крепостного права и от государства.

Жители украинских степей сами отвечали за свою оборону. В XVI веке они построили крепости и организовались в армии или «воинства». Так появились первые казаки. Их общество было чрезвычайно милитаристским — каждый мужчина рождался, чтобы быть солдатом. Сообщество было демократичным — солдаты сами избирали своих офицеров и командиров, гетманов. Наконец, оно было очень мужским. Их самым известным центральным лагерем была Запорожская Сечь, расположенная на острове на реке Днепр. Члены Сечи считали все свое имущество общим, во время пребывания в лагере им было запрещено общаться с женщинами. Николай Гоголь, описавший казацкий быт лишь с малой долей выдумки, сравнивал образ жизни казаков с «непрерывным пиршеством, балом, начавшимся шумно и потерявшим свой конец». Сечевая крепость, между тем, была похожа на школу-интернат, «где ученики [получали] полный пансион», но вместо учебы все свое время проводили на охоте, рыбалке и гуляньях. Казаки не утруждали себя военной подготовкой, ибо, по их мнению, воины по-настоящему формировались только в пылу сражения.

Из казаков получались отличные наемники, но ими было трудно управлять. В 1648 году восстание Богдана Хмельницкого, гетмана запорожских казаков, привело к кошмарному уничтожению евреев Польши-Литвы, что также стало политической катастрофой для Речи Посполитой и началом недолговечного, но чрезвычайно важного момента обретения Украиной независимости. Казакам, отвоевавшим свою свободу от польского контроля, вскоре стало трудно ее поддерживать. Чтобы отразить польско-литовский натиск, им нужны были союзники. Они обратились к татарам и шведам, но в конечном счете остановились на союзе с Россией. В этом выборе была четкая логика: Россия делила с Украиной язык и веру. Россия также предложила казакам широкую автономию, которой они дорожили. Продлилась она, однако, недолго.

Какое-то время Запорожская Сечь продолжала существовать, хотя и в стесненных обстоятельствах. Первоначально она представляла собой дикое братство присягнувших воинов, преданных духу дерзких грабежей, теперь она служила оборонительной силой, охраняя южные границы Российской империи от турецких вторжений. После того как Екатерина Великая разгромила Османскую империю в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов, потребность в такой службе исчерпала себя. В 1775 году императрица приказала сровнять с землей Сечевую крепость и сослала последнего запорожского гетмана на Соловецкие острова, на крайний север России. Уже будучи пожилым человеком на момент своего ареста, гетман провел следующую четверть века в заключении в крошечной камере, по колено в собственных испражнениях: он вышел на волю со спутанной бородой и огромными ногтями, больше похожий на животное, чем на человека.

Екатерина Великая уничтожила Запорожскую Сечь, потому что та стала пережитком прошлого, которое вдохновленная Просвещением императрица презирала. Она была полна решимости реформировать и рационализировать Российскую империю. Это не означало предоставления русским большей свободы. Напротив, это означало упорядочение и укрепление ее собственной власти, возможность править без препятствий. Различные унаследованные привилегии, которыми пользовались казаки, просто мешали. За долгое царствование Екатерины, длившееся до 1796 года, казаки утратили почти все свои старые институты. Самые могущественные и богатые были произведены в русские дворяне со всеми привилегиями, которые гарантировал им титул. Остальные постепенно превратились в простых крестьян, и только память об их прежнем статусе переходила из поколения в поколение.

Украина является примером того, в каком стиле Россия собирала свою империю. По мере расширения ее стратегия почти всегда заключалась в выявлении и подавлении местной элиты. Чтобы править, Россия опиралась на жесткую классовую систему, различия которой она подчеркивала и усиливала. Страны Балтии — еще один прекрасный пример. Когда в 1710 году Петр Великий отвоевал Латвию и Эстонию у Швеции, он подтвердил местному дворянству все его прежние привилегии. Дворяне получили возможность сохранить свои земли, свои крепостных и свой парламент. Им даже удалось сохранить свою лютеранскую церковь и свой язык — знать почти исключительно говорила

на немецком. Однако их крепостные говорили по-латышски или по-эстонски, в зависимости от того, где обитали. Такая социальная система была очень древней и настолько укоренившейся, что само слово «сакс» в эстонском языке стало означать не только немца, но и любого представителя высших классов. Крепостное право, особенно суровое в Прибалтике, еще больше укрепило это различие. В то время как немецкие землевладельцы чрезвычайно разбогатели на своей подневольной рабочей силе, сами крепостные жили в страшной нищете.

Завоевание русскими ничего не изменило. Цари рассматривали немецко-прибалтийскую знать как бездонный ресурс. Ее представители были богаты, имели хорошие связи и были готовы работать непосредственно на трон, без заикливания на правах и привилегиях, которые зачастую привносили в работу русские аристократы. Как однажды выразился царь Николай I (годы правления 1825–1855), «русские дворяне служат государству, немецкие — нам». Такие отношения приносили пользу обеим сторонам. Прибалтийские немцы занимали многие руководящие посты в имперском правительстве и вооруженных силах. Взамен им была предоставлена свобода распоряжаться своими родными территориями по своему усмотрению. Местных эстонцев и латышей тем временем отстранили как от имперской службы, так и от местного самоуправления. Их единственным способом добиться возмещения своих страданий было восстание против своих помещиков — главная причина, по которой этнические латыши после 1917 года превратились в самых ярких большевиков.

До Октябрьской революции Российской империи было относительно легко управлять Латвией и Эстонией. Напротив, земли, которые она отобрала у Речи Посполитой, с самого начала обернулись головной болью. Польские земли стали самым крупным призом, полученным Россией в ее западной экспансии. Ими при этом было труднее всего управлять. Россия приобрела польские территории в конце XVIII века, к этому моменту Речь Посполитая находилась в предсмертной агонии. Ослабленная коррупцией и корыстолюбием польской аристократии, избирательная монархия не могла противостоять растущим силам, которые ее окружали. Между 1772 и 1795 годами соседи — Россия, Пруссия и империя Габсбургов — поделили страну между собой в ходе трех так называемых разделов. После третьего раздела, в 1795 году, от независимой Польши-Литвы вообще ничего не осталось.

Вскоре после первого раздела Польши философ Жан-Жак Руссо предсказал, что России будет легче проглотить эту страну, чем переварить. Он оказался прав. В течение следующих 123 лет Польша, управляемая Россией, служила домом для бесчисленных заговоров и революций, направленных на восстановление польской независимости. Одно из первых таких восстаний в 1794 году возглавил Тадеуш Костюшко, прославившийся в Американской войне за независимость. После того как оно провалилось, тысячи поляков эмигрировали во Францию, чтобы продолжить борьбу оттуда, в то время как многие из тех, кто остался, потеряли свои земли и имущество.

Несмотря на это поражение, польские восстания продолжались. Вооруженное восстание, возглавляемое военными кадетами в 1831 году (Ноябрьское), потерпело фиаско, как и другое восстание (Январское), которое началось в 1863 году и продолжалось до 1864 года. В этой войне сражался прадед моего отца, польский католик из-под Гнезно. В 1863 году Ян Гаремза, свободный фермер, пересек границу прусской Польши с российской, чтобы участвовать в Январском восстании. Кампания, обреченная с самого начала, стоила ему руки. Вернувшись домой на свою ферму, где медленно умирала с голоду его семья, он больше не мог держать в руках плуг и в конце концов сбежал из сельской местности в ближайший город. Моему прапрадедушке Гаремзе повезло, что его не отправили в Сибирь. Тысячам других польских повстанцев повезло меньше. За десятилетия российского правления Сибирь стала могилой польских национальных устремлений.

Поляков начали отправлять в Сибирь еще до первого раздела страны в 1772 году. В течение следующих полутора столетий десятки тысяч поляков будут посланы в замерзшие, кишасшие москитами просторы «спящей земли». Большинство прибыли туда по системе каторги, согласно которой осужденных и повстанцев доставляли для выполнения принудительных работ в отдаленные места, из которых не было выхода, по крайней мере, в теории. Наказание начиналось с самого путешествия.

Заключенные обычно отправлялись в Сибирь пешком, закованные в железные кандалы. Во время путешествия эти цепи ни разу не снимались, даже в банях. Колонны заключенных шли по сибирским дорогам и производили ужасный шум, сотня или более человек гремели своими цепями и спотыкались о них. По пути они останавливались в тесных лачугах, кишасших клопами. После такого путешествия даже работа в шахте или на лесоповале приносила облегчение. Большинству скуку и тоску по дому оказалось переносить труднее, чем принудительный труд.

Однако со временем ограничения ослабли. Ко второй половине XIX века железнодорожный и морской транспорт постепенно заменил длительное пешее путешествие. Кандалы все еще использовались, но в основном для показухи. Как только заключенные оказывались на борту поезда, автомобиля или лодки, их, как правило, снимали. Поскольку требования государства к рабочей силе снижались, у многих ссыльных появлялось время для чтения и других интеллектуальных занятий.

На самом деле, изгнание иногда приносило неожиданные выгоды. Благодаря ссыльным поляки поддерживали многовековые отношения с Сибирью, многое делая для ее экономического и научного развития. Первый картофель, посаженный в Якутии, был привезен туда ветераном восстания 1863 года. Другие поляки стали ведущими исследователями образа жизни коренных сибиряков. Большая часть ранних этнографических и лингвистических исследований якутского языка проводилась поляками. То же самое можно сказать о племени айну на Сахалине.

